

ПРОБЛЕМЫ БРАЧНОГО ПРАВА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

А. А. ФЕРЕНС-СОРОЦКИЙ*

В настоящей статье рассматриваются проблемные вопросы понятия брака и условий вступления в брак в православном каноническом (церковном) праве. Эти вопросы раскрываются в историческом аспекте, а также анализируются современные проблемы церковного брачного права в данной области. В частности, в статье исследуются следующие проблемы: отношение Христианской церкви к христианскому браку, гомосексуальному союзу и перемене пола; пороки воли, угроза, заблуждение и принуждение как основание недействительности брака; импотенция и стерилизация как основание недействительности брака; верхние и нижние возрастные границы, а также большая разница в возрасте как основание недействительности брака; количество заключенных браков как основание признания брака недействительным, проблема счета браков, светские и фактические браки как проблема канонического права; проблема второбрачия клириков и брачного епископата в истории Церкви; смешанные межконфессиональные браки в православном каноническом праве; родство и свойство как условия заключения церковного брака; согласие родителей как условие действительности православного брака. Кроме того, рассматриваются порядок браковенчания и проблемы канонического процесса о признании брака недействительным. В ходе исследования указанных вопросов производится сравнение разрешения аналогичных проблем в православном и католическом церковном праве. В статье подчеркивается различие подходов к перечню оснований признания брака недействительным между православным церковным брачным правом и современным российским семейным правом. На основании сделанного сравнения автором прогнозируются коллизии правоприменения светского и церковного права и предлагаются пути совершенствования регулирования вопросов признания брака недействительным в православном каноническом праве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: брак в православии, условия вступления в брак в православии, православное брачное право, католическое брачное право, признание брака недействительным в православии, каноническое право, церковное право.

FERENS-SOROTCKII A. A. PROBLEMS OF THE MARRIAGE LAW OF THE ORTHODOX CHURCH

This article deals with the problems of the concept of marriage and legal conditions of marriage in the orthodox canon (church) law. These questions are viewed from a historical angle. The author also analyses the modern problems of church marriage law in this area.

* Ференс-Сороцкий Андрей Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса юридического факультета СПбГУ.

Andrei A. Ferens-Sorotckii — candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the Department of Civil Procedure of the Law Faculty, St. Petersburg State University.

E-mail: gr_process@jurfak.spb.ru

© Ференс-Сороцкий А. А., 2017

In particular, the article examines the following issues: the attitude of the Cristian church to the Cristian marriage, homosexual union and gender reassignment; flaws of the will, threat, delusion and coercion as the grounds for invalidity of a marriage; impotence and sterilization as the grounds for invalidity of a marriage; upper and lower age boundaries, as well as a large age difference as the grounds for invalidity of a marriage; the number of contracted marriages as the grounds for invalidity of a marriage, the problem of marriage counting, secular and de facto marriages as a problem of the canon law; the problem of the clergy bigamy and matrimonial episcopate in the history of the Church; mixed interfaith marriages in the orthodox canon law; blood relations and in-law relations as conditions for entering into a church marriage; parents' consent as the condition for the validity of the orthodox church marriage. Moreover, the author considers the matrimony procedure and the problems of canon recognition of invalidity of the marriage. While studying the above questions, the author compares the settlement of identical problems in the catholic and orthodox church law. The article emphasizes different approaches to the grounds for invalidity of a marriage in the orthodox church law and in the modern Russian law on domestic relations. Based on the analysis, the author predicts collision of the secular and the church law enforcement and proposes the ways to improve the regulation of issues connected with recognition of invalidity of a marriage in the orthodox canon law. **KEYWORDS:** orthodox marriage, conditions to contract the marriage in the Orthodoxy, orthodox marriage law, catholic marriage law, recognition of invalidity of a marriage in the Orthodoxy, canon law, church law.

Задачу настоящей статьи автор видит в знакомстве светского читателя с брачным правом Православной церкви и его правовыми проблемами. Подходы светской науки семейного права и науки канонического права к регламентации семейного права существенно разнятся. Целесообразно осознание этой разницы подходов, тем более что история канонического семейного права в России — это и история семейного права, ибо с 988 до 1917 года семейные отношения регламентировались преимущественно каноническим правом Православной церкви. Каноническое право Русской православной церкви (далее — РПЦ) с началом нового столетия динамично развивается, в том числе и в сфере семейного права. В Предсоборном присутствии РПЦ активно дискутируются канонический документ о браке и правовые проблемы брака. Вопросы брака рассматривались и на Соборе православной церкви на Крите в июне 2016 г., когда 10 (из 14) Поместных православных церквей под эгидой Константинопольского Патриархата собрались для обсуждения актуальных проблем православия в современном мире. Хотя Русская православная церковь наряду с Болгарской, Антиохийской и Грузинской православными церквями не принимала участие в этом соборе и не признала его решения для себя обязательными, а сам документ о браке не содержит никаких существенных новелл в канонической области и даже не обнаруживает всех проблем, само внимание к вопросам брака очень показательно.

В современном праве нигде за последние годы не происходит столь кардинальных изменений, как в этой области. Признание возможности многими странами гомосексуальных браков показывает, что институт брака и традиционной семьи находится под беспрецедентным давле-

нием и на грани почти полного законодательного разрушения во многих странах. Христианская церковь в лице различных христианских деноминаций не может остаться в стороне от данных процессов. Протестантские конфессии: Лютеранская, Англиканская, Пресвитерианская, Баптистская церкви в большинстве своем признали допустимыми такие изменения и в своем церковном праве произвели революционные изменения, допустив и в церковной среде гомосексуальные браки и гомосексуальный епископат. Католическая и Православная церкви продолжают отстаивать традиционные христианские семейные ценности. Однако в чем именно они заключаются в праве самих этих церквей, для светского читателя в основном остается неизвестным. Данный пробел мы и собираемся отчасти восполнить применительно к православному церковному праву. Церковное право Православной церкви — это живое развивающееся правовое явление, с множеством юридических проблем, которые относительно брачного права мы также постараемся осветить.

Понятие брака как Таинства. «Брак как образ таинственного союза Христа с его Церковью есть Таинство, соединяющее мужа и жену для полного неделимого общения жизни и низводящее на них дары Божией благодати»¹. Указанное определение брака как Таинства, принадлежащее профессору Н. С. Суворову, восходит к Божественному праву, в частности к определению брака, данному апостолом Павлом в своем Послании к ефесянам. Приведем этот отрывок Священного Писания: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу; потому что муж есть глава жены, как и Христос Глава Церкви, и он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее... Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь, потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви. Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится (своего) мужа» (Еф. 5, 22–25, 28–33).

В то же время определение профессора Суворова восходит к определению брака из Кормчей книги. На русский язык это определение может быть переведено следующим образом: «Брак — это союз мужчины и женщины, общение жизни, соучастие в божеском и человеческом праве» (приведем и оригинальное определение по церковнославянски: «Брак есть мужеве и жене сочетание, сбытие всей жизни, божественныя и человеческия правды общение»). Это определение взято в Кормчую из Номоканона патриарха Фотия. Такое же определение содержится в «Алфавитной Синтагме» Матфея Властаря². Принадлежит же оно римскому юристу-классику

¹ Суворов Н. С. Учебник церковного права. М., 2004. С. 319.

² Алфавитная синтагма Матфея Властаря / пер. с греч. Н. Ильинского. М., 1996. С. 129.

III в. Модестину. В Номоканоне из приведенного определения выводятся основные свойства брака: 1) в физическом плане это моногамный союз мужчины и женщины; 2) в этическом плане это общение во всех жизненных отношениях и рассчитанное на всю жизнь супругов, это пожизненный союз; 3) в религиозно-юридическом плане это общность божественного и человеческого права, т. е. единство религиозное и правовое — общие религиозные и светские права и обязанности.

Понятие брака как Таинства достаточно спорно в богословской и канонической литературе. Канонические источники вслед за апостолом Павлом Таинством считают сам брак. Именно так решает этот вопрос глава 50-я Кормчей книги в статье о тайне супружества. Именно так, опираясь на канонические источники, трактуют брак многие канонисты: Н. С. Суворов, С. Троицкий и др. Однако в XIX в. догматические источники, а за ними и каноническая практика стали рассматривать в качестве Таинства не брак, а церковный обряд браковенчания³. Данный вопрос должен быть детально разъяснен богословской наукой, ибо все канонические вопросы (например, счет разрешенных браков) в зависимости от того или иного решения основного вопроса, что есть Таинство, будут решаться по-разному. Следует принять также во внимание, что понимание обряда браковенчания в качестве Таинства противоречит приведенному отрывку из Послания апостола Павла, читаемому на венчании. Сам обряд браковенчания, как установлено, достаточно позднего происхождения (VIII–IX вв.), в течение девяти веков он не был обязателен для всех христиан, и уж тем более он отсутствовал во времена апостола Павла, когда супруги-христиане вступали в брак по римскому законодательству, а христианское измерение и значение Таинства придавало ему совместное участие супругов в евхаристии. Соответственно послание апостола обращено к супругам-христианам, которые явно не были «обвенчаны» в современном значении этого слова, да и из контекста следует, что речь у апостола идет не о заключении брака, не о церковном благословении брака, а о самом браке, в котором мужья любят жен как самих себя и вплоть до самопожертвования, а жены в любви повинуются мужьям как главе своей. Именно этот союз любви, самопожертвования, вплоть до мучительнейшей крестной казни, и послушания супругов-христиан, в котором двое становятся одной плотью, апостол Павел уподобляет таинственному союзу Христа и Церкви. Нельзя не согласиться в связи с этим с полемическим замечанием профессора Суворова: «Трудно примириться с мыслью, что, например, брак с сумасшедшим, с самым близким родственником, с другой женой при существовании первой, есть церковное Таинство, изображающее собой союз Христа с Церковью на том основании, что подобный брак был обвенчан»⁴, а именно к таким абсурдным выводам при счете разрешенных браков следует прийти, если включать туда недействительные по церковному законодательству браки

³ Суворов Н. С. Учебник церковного права. С. 320; Макарий архиепископ Харьковский. Православно-догматическое богословие. СПб., 1857. Т. 2. С. 365–366.

⁴ Суворов Н. С. Учебник церковного права.

на том основании, что обряд венчания был произведен. Да и при решении вопросов недействительности брака в церковном законодательстве, как будет очевидно из дальнейшего изложения, речь идет об основаниях недействительности именно брака, а не браковенчания, которое могло совершаться вполне надлежащим образом.

Наука церковного права традиционно рассматривала брак с точки зрения: 1) условий его заключения и его действительности, или, что то же самое, препятствий к браку; 2) порядка заключения брака; 3) условий и порядка прекращения брака. В настоящее время к этому перечню вопросов, подлежащих рассмотрению, необходимо добавить изложения некоторых канонических проблем неимущественных прав и обязанностей супругов в браке, которые подлежат регулированию нормами канонического писаного или обычного права, но почему-то обходятся в изложении.

В современной России, как и в большинстве стран мира, есть серьезные различия между церковным браком и требованиями к нему и гражданским браком по государственному законодательству о браке. Церковь признает до сей поры гражданский брак и с уважением относится к нему, хотя эволюция брачно-семейного законодательства в странах Евросоюза (а именно этому законодательству стремится соответствовать российское законодательство) в сторону явной аморальности такова, что, возможно, очень скоро такое отношение придется пересматривать. Но уже сейчас различия между требованиями к действительности церковного и гражданского брака настолько различны, что очень часто кажется, что законный с точки зрения гражданского законодательства современной России брак никогда не сможет стать браком церковным. Столь же серьезны различия в личных неимущественных правах и обязанностях супругов и детей и в условиях расторжения брака по церковному и гражданскому законодательству. Поэтому считаем целесообразным изложить данные вопросы в сравнении с действующим российским законодательством.

Препятствия к браку. Для того чтобы церковный брак был возможен, необходимо соблюдение определенных условий его действительности; их отсутствие составляет препятствия к заключению брака. Препятствия к браку могут влечь ничтожность брака в случае его заключения, а могут лишь препятствовать его заключению, не делая его, однако, ничтожным в случае его заключения. Препятствия ничтожности, безусловно, не допускают церковный брак в этом случае; даже если брак был формально заключен (повенчан), он является ничтожным с момента заключения, а факт венчания не имеет никаких правовых последствий для брака, но влечет церковное наказание как на дерзнувших вступить в него, так и на венчавшего священника. Таким образом, различаются препятствия, разрывающие или, точнее, расторгающие, брак (препятствия ничтожности), и препятствия, отлагающие⁵, или препятствия заключения. Кроме того, следует различать препятствия, которые могут отпасть в будущем, после заключения брака, что делает брак действительным, или, употребляя специальный термин

⁵ Там же. С. 321.

науки семейного права, «санируют» брак. И есть препятствия, которые санированы быть не могут, и в этом смысле они носят абсолютный характер.

Препятствия расторгающие

1. Христианский брак по своему определению есть брак между мужчиной и женщиной. Эту, казалось бы, самоочевидную вещь приходится подчеркнуть потому, что законодательство многих стран Европейского союза (Голландия, Нидерланды, Бельгия, Швеция, Великобритания, Франция и многие другие), ряд штатов США, а также стран Латинской Америки допускает «брак» лиц одного пола, а некоторые протестантские деноминации (лютеране, англикане, пресвитериане и ряд других) пошли на венчание подобных «браков». Под влиянием таких взглядов и некоторые светские российские исследователи семейного права заявляют, что подобные союзы вполне естественны, а брак только между мужчиной и женщиной вовсе не аксиома, что легализация этих отношений в России в той или иной форме неизбежна, если наша страна хочет сохранить свой европейский статус, а возражения Православной церкви, с учетом светского характера нашего государства, не должны приниматься во внимание⁶. Православие однозначно оценивает сожитительство лиц одного пола как тягчайший грех. Божественное право называет такие отношения мерзостью пред Богом. («Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость» (Лев. 20. 13). «Женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление естественного пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение» (Рим. 1. 26–27)). Лицу, однократно впавшему в этот грех, каноны запрещают причащаться в течение 15 лет после оставления греха и раскаяния (правила 7, 62 Василия Великого; правило 4 Григория Нисского)⁷. Однозначно отрицательное отношение к гомосексуализму повторено в Социальной концепции Русской православной церкви: «Православная Церковь исходит из неизменного убеждения, что богоустановленный брачный союз мужчины и женщины не может быть сопоставлен с извращенным проявлением сексуальности. Она считает гомосексуализм греховным повреждением человеческой природы...»⁸. Какое бы то ни было правовое признание этих отношений (легализация) несовместимо с христианством.

Таким же гомосексуальным по сути своей является союз с лицом, сделавшим операцию по искусственному изменению пола. Хотя Евросоюз в лице Европейского суда по правам человека признал такие «браки» вполне допустимыми⁹, Православная церковь отвергла юридическую фикцию

⁶ Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. Ярославль, 2007. С. 110–114.

⁷ Каноны, или Книга правил святых апостолов, святых соборов, вселенских и поместных и святых отцов на русском языке. М., 2000. С. 263, 282, 305.

⁸ Цит. по: Протоиерей Николай Балашов. Комментарии к Социальной Концепции Русской Православной Церкви. М., 2001. С. 68–69.

⁹ Сальвиа де М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. СПб., 2004. С. 538–542, 705, 708–709.

«перемены пола» и в Социальной концепции Русской православной церкви однозначно установила, что в Церкви эти лица принимаются на условиях покаяния в том поле, в котором они родились, со всеми вытекающими отсюда последствиями юридического характера, в том числе и в отношении брака. «Церковь не может... признать действительной искусственно измененную половую принадлежность... Рукоположение такого человека в священник и вступление его в церковный брак недопустимо»¹⁰. Надо заметить, что сама проблема лиц, одевающихся в одежду иного пола (трансвестизм), а также лиц, пытающихся изменить свой пол путем ампутации вторичных половых признаков, хорошо известна Церкви и нашла отражение в каноническом своде в числе тяжких канонических преступлений. Апостольские правила именуют самого себя оскотившего самоубийцей и врагом Божьего создания, а надевать одежду другого пола запрещается даже в виде карнавальных костюмов потехи ради либо чтобы скрыть свой пол из благочестивых соображений (правило 62 Шестого Вселенского собора; Апостольские правила 21–24; правила 13 Гангрского собора)¹¹.

Католическое каноническое брачное право выделяет гомосексуализм и лесбиянство в качестве самостоятельных оснований к признанию брака недействительным, даже если им подвержен один из супругов, трактуя их как психические заболевания — сексуальные извращения наряду с нимфоманией и сатириазисом (неодолимой похотью, понуждающей страдающих ею вступать в неконтролируемое количество половых связей с разными людьми), не позволяющие правильно сформироваться воле брачующегося на вступление в брак¹². Православная канонистика рассматривала любые противоестественные склонности одного из супругов, без уточнения их перечня (что правильно, так как гомосексуализмом и нимфоманией они не исчерпываются, это может быть садизм, мазохизм, педофилия и т. д., и т. п.), как основание для расторжения брака, а не как основание признания брака недействительным. Это представляется более правильным, поскольку православие трактует такие склонности не как душевные болезни, лишаящие его свободы воли, некие врожденные особенности, от человека не зависящие, а как греховные страсти, в которые человек вступает сознательно и, соответственно, несет за них ответственность и которые могут быть уврачеваны правильной духовной жизнью в лоне Православной церкви. Церковь рассматривает церковный брак как одно из благодатных средств излечения от этих страстей, в связи с чем и не может такой брак объявлять недействительным. Если же один из супругов не желает бороться с помощью благодатных средств, предлагаемых Церковью, со своими греховными склонностями, а потакает им, другой супруг вправе по данному основанию искать развод.

¹⁰ *Протоиерей Николай Балашов*. Комментарии к Социальной Концепции Русской Православной Церкви. С. 71.

¹¹ *Каноны*, или Книга правил святых апостолов... С. 88, 16, 127.

¹² *Антонию Абате*. Положение о браке в новом каноническом законодательстве. М., 2000. С. 55–56.

2. Христианский брак строго моногамный, поэтому нахождение в брачном союзе, хоть и гражданском, исключает возможность вступления в церковный брак с другим лицом до расторжения предыдущего. Такое же правило содержится и в светском семейном законодательстве (ст. 14 СК РФ), однако допускается в иных религиях (ислам) или сектах (мормоны).

3. Неспособность или невозможность в конкретном случае сознательного и свободного проявления воли — безусловное основание признания брака недействительным. Брак предполагает свободное согласие на вступление в него. Там, где не было свободного согласия, не может быть и брака. Такое согласие отсутствует у лиц, которые в силу своего душевного заболевания не могут отдавать отчет в своих действиях или руководить ими.

Дореволюционное законодательство признавало недействительными браки безумных и сумасшедших (ст. 205, 208 Устава духовных консисторий). Однако с позиций современной юридической науки сам факт душевной болезни не может быть препятствием к заключению брака, если лицо не признано судом недееспособным. Важен не сам факт душевной болезни, а неспособность в силу проявлений болезни отдавать отчет в своих действиях или руководить ими. Здесь душевная болезнь как фактор, поражающий нормальное порождение или проявление юридически значимой воли, стоит в одном ряду с кратковременными патологическими состояниями, поражающими волю, такими как алкогольное или наркотическое опьянение, гипноз и т. п.

Гражданское законодательство России в случае признания лица недееспособным однозначно лишает его возможности вступить в брак. Законодательство других стран для недееспособных душевнобольных предполагало возможность наличия светлых промежутков в болезни, когда они могли совершать юридически значимые действия. Именно таков был подход римского права¹³, которое действовало в Византийской империи. Может быть, поэтому упоминаний душевной болезни как препятствия к браку нет в каноническом своде.

Канонической проблемой является действительность церковного брака лица, хотя и признанного государственным судом недееспособным, но в момент венчания находившегося в стадии ремиссии душевной болезни, отдававшего отчет в своих действиях и нормально руководящего ими. На наш взгляд, сам факт душевного заболевания не делает брак недействительным, а лишь выступает пороком формирования или проявления юридически значимой воли. Поэтому если такой порок отсутствовал, брак следует считать действительным.

Порок юридически значимой воли присутствует, если лицо хотя и способно вообще действовать сознательно и свободно, но в конкретной ситуации не могло нормально проявить свою волю в силу угрозы или заблуждения.

¹³ *Васьковский Е. В.* Учебник гражданского права. М., 2003. Репринт. С. 146.

Принуждение может иметь место либо в виде прямого физического насилия (например, похищение будущей невесты против ее воли), либо в виде психического насилия, когда угрожаемому лицу предлагают выбор между определенным злом и вступлением в брак. Католическое брачное право специально выделяет похищение невесты как безусловное основание признания брака недействительным¹⁴.

Заблуждение имеет место тогда, когда брак заключен не с тем лицом, с которым предполагался брак. Католическая канонистика различает ошибку не только в лице, но и в качестве лица, например богатстве жениха, целомудрии невесты и т. п.¹⁵. Православной канонистике такие тонкие различия неизвестны, хотя целомудрие невесты может иметь весьма важное церковно-правовое значение, например в случае брака клирика, поэтому соответствующее правило должно быть сформулировано и в православной канонистике в том или ином виде.

Угроза и заблуждение как основания признания брака недействительным встречаются редко. Однако ситуации, подобные описанным А. С. Пушкиным в «Дубровском» (брак по принуждению) или «Метели» (брак с ошибкой в лице жениха), всегда могут иметь место, в том числе и в церковном праве.

4. Физическую неспособность к брачному сожителю следует, на наш взгляд, рассматривать как ошибку в качестве лица, вступающего в брак. Однако государственное законодательство византийских императоров, включенное в канонические источники, рассматривало это основание в качестве самостоятельного препятствия к браку. Речь идет о новелле императора Льва Мудрого, включенной в «Алфавитную Синтагму»¹⁶, запрещающей брак для евнухов. Это правило можно теперь применить лишь к лицам, сделавшим операцию по перемене мужского пола на женский, а затем после покаяния желающим вступить в церковный брак как мужчина.

Католическая канонистика поставила вопрос о возможности брака для лиц, сделавших себе операцию по стерилизации (эта операция сохраняет возможность вступать в супружеские отношения, но делает лицо, совершившее операцию, бесплодным), и решила его положительно для лиц, которые не виновны в произведенной над ними стерилизации, когда стерилизация совершалась над ними без их согласия¹⁷.

Другие случаи физической неспособности иметь брачные отношения российское дореволюционное законодательство правильно рассматривало не как основание признания брака недействительным, а как осно-

¹⁴ *Антонио Абате*. Положение о браке в новом каноническом законодательстве. С. 154–157.

¹⁵ *Вишневский А. А.* Каноническое право. Древняя Церковь и Западная традиция. М., 2006. С. 232; *Антонио Абате*. Положение о браке в новом каноническом законодательстве. С. 65–69.

¹⁶ *Алфавитная синтагма Матфея Властаря*. С. 259.

¹⁷ *Антонио Абате*. Положение о браке в новом каноническом законодательстве. С. 111–113.

вание к расторжению брака. Ведь церковный брак возможен и без физического общения, где муж и жена живут как брат и сестра, примеров чему мы можем найти массу в житиях святых не только давнего, но и недавнего прошлого: таким был брак Святого праведного Иоанна Кронштадтского и брак отца Митрофана Серебрянского, будущего Святого преподобноисповедника Сергия.

5. Для вступления в брак в церковном праве имеются возрастные границы, причем в отличие от светского права не только нижние, но и верхние. Возраст брачного совершеннолетия в церковных источниках установлен достаточно низкий. «Эклога» Льва Исаврянина и Константина Копронима устанавливает возраст в 15 лет для мужчин и 13 для женщин, «Прохирон» Василия Македонянина снижают этот возраст на год: 12 для женщин и 14 для мужчин. Оба источника включены в Кормчую книгу. Однако церковное брачное совершеннолетие установилось в Русской церкви по «Эклоге», т. е. 15 и 13 лет для мужчин и женщин соответственно. В 1830 г. Императорским указом было введено брачное совершеннолетие в 16 лет для женщин и 18 для мужчин, и лишь для уроженцев Закавказья был оставлен прежний возраст. По сути это было очень мудро, ибо половое созревание в Малой Азии и в России наступает в разное время. Синодальная практика стала, однако, различать церковное и гражданское брачное совершеннолетие. Недостижение церковного совершеннолетия (13 и 15 лет для женщин и мужчин соответственно) делало брак безусловно недействительным, недостижение же гражданского совершеннолетия при достижении церковного было препятствием заключения брака, а не препятствием расторгающим.

Возникает вопрос о том, как быть современной практике Православной церкви, которая как наша Русская церковь действует в разных странах. На наш взгляд, канонического возраста брачного совершеннолетия вообще не существует. Церковь как в Византийской, так и в Российской империи практически руководствовалась государственным семейным законодательством в этом вопросе. Думается, так следует поступать и ныне, и руководствоваться возрастом брачного совершеннолетия того государства, где существует церковь. Российским законодательством брачный возраст установлен в 18 лет без различия мужчин и женщин, но с правом снижения в особом порядке, в том числе по законодательству субъекта Федерации, не более чем на два года (ст. 13 СК РФ).

В церковной среде есть и апологеты канонического возраста вступающих в брак, считающие, что лучше вступить в церковный брак в раннем возрасте 13–14 лет, чем предаваться внебрачному разврату, столь распространенному ныне в подростковой среде.

В церковном брачном праве есть и верхний предел возраста для вступающих в брак. В соответствии с правилами 24 и 88 Василия Великого¹⁸ для вдов предельный возраст вступления в брак — 60 лет, а для мужчин — 70. Святейший Синод Русской православной церкви в XVIII в. запретил лицам

¹⁸ *Каноны, или Книга правил святых апостолов...* С. 274, 292.

в возрасте старше 80 лет вступать в брак. Лицам от 60 до 80 лет для вступления в брак необходимо было испрашивать согласие архиерея. В настоящее время данные правила следовало бы применять с учетом действия принципа экономии. Многие пожилые лица, долгое время прожившие в гражданском браке по светским законам, желали бы освятить свой союз в Церкви. В этом случае вряд ли возможно им отказывать, строго применяя правила о верхней границе брачного возраста.

Как верно заметил профессор Суворов по поводу мотивов введения верхней границы вступления в брак Священным Синодом («брак от Бога установлен есть для умножения рода человеческого, чего от имеющего за 80 лет, надеяться весьма отчаянно»), столь же отчаянно на это надеяться и в 80 лет, но целями брака по Кормчей книге являются также соединение вступающих в брак в союз любви, дружбы и взаимной помощи, что достигнимо и потребно в любом возрасте¹⁹.

Российское церковное право обращало внимание и на слишком большую разницу в возрасте как основание к признанию брака недействительным (Синодальный указ 1775 г., Инструкция благочинных монастырей § 18). Хотя прямое запрещение в Свод Законов Российской Империи внесено не было, видные дореволюционные канонисты (например, Павлов), не сомневались в наличии соответствующего условия²⁰. Таким образом, модные ныне среди богемы браки, где жених вполне годится не только отцы, но и в деда невесте, хотя и допускаются светским семейным законодательством, церковным браком стать не могут.

6. Церковное православное право в отличие от светского и католического церковного права знает ограничения и по количеству возможных заключенных браков в жизни одного лица.

Церковное право в качестве идеала всегда рассматривало и рассматривает единобрачие для своих членов. В брак, который является Таинством, имеющим продолжение в Вечности, очевидно можно вступить лишь один раз. Вот почему на вступление уже во второй брак после прекращения первого Церковь смотрела как на уступку чувственности, как на грех, который если будет допущен, имеет нужду в покаянии и соответствующем каноническом наказании. Сказанное еще в большей степени имеет отношение к третьему браку, который если и терпит Церковь, как пишет Василий Великий, то лишь как меньшее зло, чем блуд (правило 50 Василия Великого)²¹. Что касается четвертого и последующих браков, то они, безусловно, запрещены (Кормчая книга, глава 53)²². Вопрос действительности четвертого брака византийского императора Льва Философа произвел раскол в Константинопольском Патриархате, и в 920 г. после смерти Льва Философа объединительный Собор издал постановление (Томос Соединения), безусловно запретившее четвертый брак. Это постановление вошло и в славянскую Кормчую. Однако на практике в Русской церкви это

¹⁹ Суворов Н. С. Учебник церковного права. С. 324.

²⁰ Павлов А. С. Курс Церковного права. СПб., 2002. С. 235–236.

²¹ Каноны, или Книга правил святых апостолов... С. 280.

²² Алфавитная синтагма Матвея Властаря. С. 134–135.

правило нарушалось (известно, что Иоанн Грозный официально вступил в четвертый брак), почему запрещение было введено и в гражданский закон (Уложение 1649 г., ст. 15 гл. 16).

Канонической проблемой является в данном случае счет браков. Можно ли включать в этот счет недействительные церковные браки, а также светские браки, заключенные до крещения?

На наш взгляд, на поставленный вопрос следует дать отрицательный ответ. Что касается недействительных церковных браков, несмотря на факт их возможного венчания, вряд ли следует считать их браками. Что касается светского брака, заключенного в соответствии с государственным семейным законодательством, то церковное сознание при признании их браками, а не блудным сожительством, все-таки никогда не считало их Таинством и браком, который регламентируется церковным правом, поэтому их также не следует принимать в счет. Считать необходимо только расторгнутые или прекращенные смертью супруга церковные браки.

Поскольку такой запрет известен только в православном церковном праве, но не известен не только действующему российскому семейному законодательству, но и католическому церковному праву, которое разрешает в случае прекращения брака смертью супруга или признания брака недействительным вступать в брак неограниченное число раз, возникает вопрос об отношении Церкви к таким бракам, если супруги крестятся или переходят в православие из католичества. По нашему мнению, используя принцип экономии, четвертый брак, заключенный в лоне католичества, следует признать браком, но венчать его в православии нельзя; сказанное относится и к смешанному браку православного и католика, если для одного из супругов он четвертый. Что касается четвертого брака до крещения, то для Православной церкви он будет первым, если она будет его венчать, а те браки, что были до крещения, как указывалось выше, в счет не принимаются. Сказанное вытекает из общей логики канонических правил, например Апостольского правила 17, которое устанавливает запрет быть в клире тому, «кто по святом крещении двумя браками связан был». Значит, те браки, что были до крещения, канонического значения не имеют.

В последнее время в силу распространенности в обществе фактических браков, когда пара живет вместе, порою имеет детей, но не регистрирует этот брак в органах ЗАГС, в каноническом праве встает вопрос о том, как относиться к данному правовому явлению, которое светская журналистика неудачно окрестила гражданским браком. Это фактический брак, а гражданским он станет, когда будет зарегистрирован установленным гражданским (не церковным) законом образом. На наш взгляд, Церковь правильно рассматривала их как блудные сожительства. Церковь не может быть в вопросах брачного регулирования более либеральна, чем само государство. Если государство не признает правового значения за фактическими браками, тем более не следует считать их браками в церковном праве. Поэтому в общий счет браков фактические браки попасть не могут.

7. Церковное право запрещает брак имеющим уже духовный сан и состоящим в клире на степени начиная с дьяконской (т. е. для диаконов и свя-

щенников) и для монашествующих. Брак для диаконов и священников возможен только до рукоположения в церковный сан диакона, а для епископов вообще невозможен. Клирикам также запрещено вступление во второй брак, если первый был расторгнут или прекращен ввиду смерти супруги²³ (Апостольское правило 17, правило 3 Трулльского собора). Невозможность брака монашествующего вытекает из его обета безбрачия. Брак для этих лиц в лоне Церкви возможен лишь в случае снятия ими священного или монашеского сана; тот же брак, что был заключен ранее, безусловно, по смыслу правила 3 Трулльского собора, признается недействительным. Таких запрещений действующее российское семейное законодательство не знает, что порождает коллизию, когда брак, признаваемый недействительным церковным правом, будет считаться действительным светским правом.

Следует иметь в виду, что в древней Церкви первых пяти веков церковной истории встречались брачный епископат и второбрачное священство. Апостол Павел в послании к Тимофею устанавливает правило, согласно которому епископ должен быть «одной жены муж», т. е. может быть женатым, но один раз (1 Тим. 3.2). Пятое апостольское правило запрещает под страхом отлучения изгонять епископам своих жен под видом благоговения. Брачный епископат и второбрачное священство были запрещены Трулльским (Шестым Вселенским) собором (правила 12, 3)²⁴. На практике второбрачное священство допускалось в некоторых поместных церквях, например, в Сербской церкви и других церквях на Балканах вплоть до XIX в. Возвратиться к правилам древней Церкви предлагал видный сербский канонист епископ Никодим Милош²⁵. На рубеже XX в. вопрос второбрачия священства и брачного епископата активно дискутировался в Русской церкви²⁶. В 20-е годы прошлого века брачный епископат и второбрачное священство были введены в спровоцированном советской властью обновленческом расколе РПЦ. Отвратительный нравственный облик вождей обновленчества, выступавших соучастниками в гонениях на исповедников Церкви со стороны безбожных властей, а также их неоднократные браки (например «митрополит» Александр Введенский вступил в брак трижды) привели к тому, что сама идея брачного епископата и второбрачного священства оказалась прочно дискредитирована в церковном сознании, думается, промыслительно. В настоящее время вопрос о введении второбрачного священства и брачного епископата в РПЦ не стоит. Если в древности в вопросе о второбрачии священства можно было говорить о применении церковной экономии (смягчении строгости правил в конкретных случаях) из-за высокой смертности женщин от родов и болезней, то теперь высокой смертности женщин не наблюдается и можно с большим основа-

²³ Каноны, или Книга правил святых апостолов... С. 15, 62–63.

²⁴ Там же. С. 62–63, 66–67.

²⁵ *Белякова Е. В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. С. 352–355.

²⁶ Ход дискуссий см.: Там же. С. 350–382, 391–421.

нием настаивать на акривии (строгом буквальном исполнении) соответствующих правил Церкви.

8. Церковный брак возможен лишь между членами Церкви, ибо Церковь преподает таинства и благословляет только своих членов. Поэтому церковный брак православного даже с инославным христианином (католиком, протестантом, армяно-григорианином) по буквальному смыслу канонов (правило 14 Халкидонского собора, правило 72 Трулльского собора, правила 10 и 31 Лаодикийского собора, правило 30 Карфагенского собора)²⁷ возможен только при условии обязательного если не предварительного, то последующего перехода инославного супруга в православие сразу после венчания. Что касается брака с нехристианами (язычниками, мусульманами, буддистами, иудеями и т. п.), то они, безусловно, воспрещены. Сказанное, конечно, относится и к бракам православного с неверующим, атеистом. Исключение с апостольских времен делается для случаев, когда брак возник до крещения, но крестился только один из супругов. При согласии неверующего супруга на сожителство и при условии непритеснения верующего неверующим такой союз признавался Церковью браком, но, разумеется, не подлежал венчанию.

В России от строгости этих правил начиная с 1721 г. отступали, допуская более широко браки православных с инославными при обязательстве инославного супруга не препятствовать крещению и воспитанию детей в православии, а также при обязательном венчании брака в Православной церкви.

В действующем церковном праве (Основы социальной концепции Русской православной церкви, раздел X. 2) эти правила по сути дела воспроизведены, с одной существенной поправкой: браки с нехристианами и язычниками хотя и невозможно венчать в Церкви, все же признаются браком, тогда как по правилам древней Церкви такое сожителство считалось тяжким грехом — блудом.

В отношении же инославных такие браки если и разрешены, то практически неосуществимы, ибо, например, Католическая церковь предъявляет такие же требования к действительности смешанного брака, что и Православная. Еще большие сомнения вызывают разрешения брака православного с членом протестантской деноминации, хотя вроде бы и верующей в Троиединого Бога, но наряду с обычным браком освящающей и союзы гомосексуалистов. На практике, однако, смешанные браки в странах, где присутствует РПЦ, между православными, с одной стороны, и англиканами, лютеранами и реформатами, с другой стороны, все же допускаются. Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл в октябре 2016 г. во время визита в Великобританию не только вступал в общение с англиканскими иерархами, но даже наградил одного из них (епископа Лондона) церковным орденом, несмотря на то что Англиканская церковь ввела у себя женское священство и епископат, а также допустила венчание гомосексуальных пар. Понятно, что и вопрос о запрете смешанных браков

²⁷ Каноны, или Книга правил святых апостолов... С. 51, 91, 140, 143, 167.

англикан с православными не ставится официальными церковными властями, а допускается широкое применение экономии.

9. Как и семейное право многих стран и народов, каноническое право в качестве препятствия к заключению брака знает такое условие, как наличие близкого родства. Правда, в отличие от современного светского права каноническое право в качестве препятствий к заключению законного брака знает не только кровное, естественное родство, но и искусственное, куда относится родство духовное и гражданское, а также свойство²⁸.

Родство естественное, или кровное, означает связь лиц, происходящих одно от другого или от общего предка. Соответственно различают прямое кровное родство (или прямую линию кровного родства), т. е. когда одно лицо происходит от другого (родственная связь отца с сыном, например) и боковое кровное родство (боковую линию кровного родства), когда два лица происходят от общего предка (например, родственная связь двух братьев).

В каноническом праве Православной церкви принят способ измерения большей или меньшей близости родства с помощью так называемых степеней, или градусов, родства. Идея такого измерения близости или отдаленности родства для нужд брачного или наследственного права принадлежит древнеримской юриспруденции, Православная церковь просто восприняла ее в свое каноническое право. За степень родства принимается связь двух родственных лиц посредством одного рождения. Соответственно мать и сын находятся в первой степени прямого кровного родства, бабушка и внук — во второй степени прямого кровного родства (необходимо для происхождения внучки от бабушки два рождения, матери и самой внучки), родные братья находятся во второй степени бокового родства (их родственная связь обусловлена двумя рождениями сначала одного, а затем другого брата от общих родителей или родителя — в каноническом праве полнородное, т. е. происхождение от двух общих родителей, и неполнородное, т. е. происхождение лишь от одного общего родителя, матери или отца по степеням приравниваются), родные дядя и племянник находятся в третьей степени бокового родства (их связывает родство через три рождения: рождение двух братьев и рождение сына одного из них), двоюродные брат и сестра находятся в четвертой степени бокового родства, двоюродный дядя и племянник в пятой степени и т. д.

Церковь запрещает браки в прямой линии кровного родства безусловно, независимо от степеней. Что касается запрещенных степеней бокового родства, то древняя Церковь руководствовалась законодательством Моисея, запретившего брак в третьей степени бокового родства, т. е. между дядями и племянницами и тетками и племянниками (Левит 18, 12–13). Трулльский собор в своем 54-м правиле²⁹ запретил браки в четвертой степени бокового родства, т. е. между двоюродными братьями и сестрами. Константинопольский Патриархат пошел в своих запретах еще далее и

²⁸ Павлов А. С. Курс Церковного права. С. 239–254; Суворов Н. С. Учебник церковного права. С. 328–334.

²⁹ Каноны, или Книга правил святых апостолов... С. 85.

в 1166 г. на Константинопольском соборе запретил браки до седьмой степени бокового родства включительно, т. е. между троюродными братьями и сестрами и четверюродными дядями и племянницами, тетями и племянниками. Это постановление вошло в русскую печатную Кормчую (глава 52), но до XVII в. в Русской церкви было неизвестно.

Свойство — это родственная связь между родственниками мужа и родственниками жены, возникающая в результате брака. Поскольку муж и жена составляют в браке по учению Церкви одну плоть, то свойство по степеням приравнивается к родству, т. е. в какой степени родства они находятся к одному из супругов, в такой же степени свойства находятся к другому (например, теща — мать жены, супругу по свойству как мать, т. е. в первой степени свойства, родной брат жены — во второй, тетка жены — в третьей и т. д.). Степень же свойства между родственниками мужа и родственниками жены получается в результате сложения степеней родства с той и с другой стороны (т. е. родной брат мужа и родная сестра жены находятся в четвертой степени свойства).

Браки между свойственниками запрещены в тех же степенях, что и между родственниками. Трулльский Собор тем же правилом запретил браки в четвертой степени свойства, т. е. между родными братьями и двумя родными сестрами, а также брак отца и сына на двух родных сестрах и двух родных братьев на матери и дочери, а в синодальном акте Константинопольской церкви, изданном в конце X в., запрещен брак двоюродных братьев с двумя родными сестрами, т. е. в шестой степени свойства.

В брачном праве Церкви имеет правовое значение также трехродное свойство, т. е. родственная связь между тремя родами в результате брака, а именно между одним супругом и супругами родственников другого: так, например, жена брата моей жены, т. е. моего шурина находится со мной в третьей степени трехродного свойства (степени свойства трехродного считаются так же, как и степени свойства двухродного). В каноническом праве одна только первая степень трехродного свойства безусловно запрещена, т. е. запрещены браки между отчимом и женой пасынка и между мачехой и мужем падчерицы.

В качестве препятствия к заключению брака церковное право знает также духовное родство, возникающее в результате восприимчивости при крещении и миропомазании.

В духовном родстве восприятие от купели крещения рассматривается как рождение духовное, которое в правовом смысле приравнивается к рождению физическому и считается как степень родства как в линии восприемника, так и в линии воспринятого. Соответственно родной сын восприемника и воспринятый находятся, как братья, во второй степени духовного родства, внучка восприемника и воспринятый — в третьей степени и т. д. Законодательство императора Юстиниана запретило браки между восприемниками и воспринятыми ими крестницами. Трулльский собор (правило 53)³⁰ запретил браки восприемников и родителей воспринятых

³⁰ Там же. С. 84.

детей, если последние овдовели. Позднее был запрещен брак сына воспитанника и брата его на воспитанную или матери воспитанной. Далее к духовному родству было присоединено родство из усыновления, и запрещение браков по духовному родству было простерто до седьмой степени.

Перечисленные правила византийского права, хотя и вошли в русскую Кормчую, на практике не применялись со всей строгостью уже начиная с XIV в. Известно, что святой митрополит Петр Московский разрешал браки даже в четвертой степени родства,³¹ видимо, принимая во внимание убыль населения от бедствий татарского ига. Позднее установилось правило браки до четвертой степени родства и свойства не разрешать, но если они были заключены, не признавать недействительными, а оставлять в силе. В Духовном регламенте в качестве обязательных препятствий к браку были признаны правила, указанные в Библии (книге Левит), а также в общепризнанных правилах канонического свода. В середине XVIII в. вновь установилась практика браки, заключенные даже в четвертой степени родства и свойства в обход запретов, не признавать недействительными, а сохранять, но супругов подвергать церковному наказанию на известное время. Окончательно эта практика была закреплена Указом Синода от 19 января 1810 г., который признал обязательным для применения запрет браков, установленный в книге Левит (18, 7–17; 20, 14) и в правилах Трулльского собора. Это означало, что браки в родстве и свойстве запрещены до четвертой степени включительно, а в следующих степенях разрешены с ведома епархиальных архиереев. Что касается трехродного свойства, то здесь браки запрещались лишь в первой степени этого свойства, а в остальных разрешались при наличии уважительных причин. В отношении духовного родства в синодальной практике установилось правило, запрещающее лишь брак между воспитанниками и воспитанными; что же касается родителей воспитанного, то брак запрещался только между воспитанником мальчика и матерью этого мальчика и воспитанницей девочки и отцом этой девочки. Практика это логично объясняла тем, что для крещения требуется лишь один воспитанник одного пола с воспитанным; то, что по обычаю стали приглашать и другого воспитанника противоположного пола, было признано не имеющим юридического значения. Поэтому браки отца с воспитанницей сына и матери с воспитанником дочери, а также браки между воспитанниками были, безусловно, разрешены.

В практике Русской православной церкви и далее встречались браки в запрещенных степенях двухродного свойства, которые оставались в силе. Так, уже в XX в. великий князь Петр Николаевич женился на черноморской принцессе Анастасии Николаевне, родной сестре Милицы Николаевны — жены его старшего брата великого князя Николая Николаевича. Хотя этот брак в великокняжеской семье и повлек серьезный политический скандал, но был оставлен в силе.

Изъясном русскому церковному праву было игнорирование юридического значения усыновления как препятствия к браку, ибо оно совершалось

³¹ Павлов А. С. Курс Церковного права. С. 251.

в гражданском порядке, а церковному праву было неизвестно. Начиная с римского права во всех странах, в том числе и по действующему Семейному кодексу РФ, усыновление приравнивается к рождению в юридическом смысле, поэтому к усыновленным детям должны применяться те же запрещения в тех же степенях родства, что и к родным детям. Иными словами, поскольку усыновленные дети в юридическом смысле приравниваются к родным детям, их и следует рассматривать в брачном праве так же, как родных детей, соответственно считая степени родства и свойства.

Современное церковное право Русской православной церкви не выработало новых подходов в отношении запрещенных степеней родства и свойства, поэтому, на наш взгляд, практика должна быть не строже русского церковного законодательства начала прошлого века. При этом следует иметь в виду, что правила действующего семейного законодательства не знают запрещенных браков в таких степенях родства и совсем игнорируют свойство и духовное родство как препятствие к браку. Семейный кодекс РФ, следуя этим путем, давно проторенным европейским семейным законодательством начиная еще с XIX в., запрещает браки лишь между близкими родственниками по восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, бабушкой, дедушкой и внуками, усыновителями и усыновленными), а в боковых линиях лишь между родными полнородными и неполнородными братьями и сестрами. Церковь неизбежно столкнется с браками, которые признаются государством и уже заключены по государственному законодательству, но Церковью считаются незаконными. Понятно, что венчать такие браки в Церкви невозможно, но как к ним относиться — как к бракам своих членов или же как к противозаконным сожителствам? На наш взгляд, в соответствии с общим подходом, выработанным церковной практикой и современным церковным законодательством в отношении браков, заключенных на основании государственного законодательства, их следует признавать браком, а не блудным сожителством, но вместе с тем в юридическом смысле ни в коем случае не приравнивать к церковному браку и считать их невозможными для будущих клириков, допуская, впрочем, при этом широкое применение принципа экономии.

Интересен опыт смягчения строгости церковного законодательства в Католической церкви. Так, современное католическое брачное право допускает брак между мужчиной-вдовцом и родной сестрой его умершей жены или вдовы и родного брата ее умершего мужа, что раньше безусловно запрещалось, что мотивируется интересами детей от первого брака, особенно если они маленькие. Как в прошлом (1916 г.), так и в современную эпоху (1971 г.) имелись казусы признания действительным даже брака родных полнородных брата и сестры, заключенного до крещения, после того как они пришли к вере³². Эту каноническую гибкость можно считать допустимой и в православии, тем более что по целому ряду вопросов

³² *Антонио Абате*. Положение о браке в новом каноническом законодательстве. С. 160–162.

(развод, допустимость контрацепции) правила Католической церкви гораздо более ригористичные, чем в православии. Автору известны случаи оставления в силе брака священника на двоюродной сестре, поскольку брак был заключен до крещения, а также разрешения на церковный брак между крестником и его взрослой восприемницей.

Препятствия заключения брака, не делающие брак недействительным

Выше рассмотренные условия вступления в брак делают этот брак недействительным безусловно. Церковному праву известны также препятствия к заключению брака. Однако если брак все же заключен при отсутствии данных условий, он будет считаться действительным. К числу таких условий церковное право относит согласие родителей. Святитель Василий Великий в своем 38-м правиле³³ прямо называет брак дочери без согласия родителей блудодеянием. Впрочем, речь в правиле скорее всего идет о неземансипированной дочери. По римо-византийскому праву родители сохраняли родительскую власть над детьми до возраста совершеннолетия, т. е. до 25 лет. Они и ранее могли предоставить детям полную дееспособность актом эмансипации (т. е. освобождения) от родительской власти. После 25 лет даже женщины по византийскому праву могли вступать в брак самостоятельно. Все эти правила византийского права имеют церковно-правовое значение, ибо включены в Славянскую кормчую («Самовластный сын, совершен имея возраст и без отца совещаения женится... Самовластная дщи, совершен имущи возраст, и не хотящее отцу ея, законным браком идет замуж»³⁴ — «Законы Градские», глава 49, грань 4, глава 3, 7–9). Причем если ранее правила византийского права в Русской церкви могли служить лишь ориентиром, ибо дореволюционное право не знало института эмансипации детей, то теперь они могут приниматься более буквально, ибо институт эмансипации современному светскому гражданскому праву известен. Таким образом, согласие родителей для правильного совершения брака необходимо только для несовершеннолетних детей, для детей же совершеннолетних и эмансипированных оно не требуется. Церковное право не имеет собственного возраста церковного совершеннолетия или дееспособности, а всегда пользовалось тем возрастом, который установлен светским гражданским законодательством (причем этот возраст может вовсе не совпадать с возрастом брачного совершеннолетия, который может быть и обычно бывает ниже): в Византийской империи он составлял 25 лет, в Российской — 21 год. В настоящее время возраст гражданского совершеннолетия составляет 18 лет, с 16 лет с согласия родителей или по решению суда несовершеннолетний может быть эмансипирован и приобрести полную дееспособность ранее (ст. 21, 27 Гражданского кодекса РФ). Думается, что в настоящее время Русской православной церкви следует в своей практике благословения браков руководствоваться этими возрастными границами и, если возраст вступающих в брак ниже, требовать также и согласия родителей (или ро-

³³ Каноны, или Книга правил святых апостолов... С. 277.

³⁴ Кормчая (Номоканон). СПб., 1997. Репринт. С. 933–934.

дителя, с которым проживает несовершеннолетний) на брак. Сказанное о родителях при их отсутствии относится к опекунам или попечителям. Любопытно, что в современном католическом каноническом праве согласие родителей даже на брак несовершеннолетних, т. е. не достигших 18 лет, детей не требуется (Кодекс Канонического права Католической Церкви, § 1, кан. 97)³⁵.

В заключение необходимо сказать о практических сложностях применения всех вышеперечисленных правил в современной практике Русской православной церкви. Существующая практика совершения браковенчаний не позволяет проверить условия действительности брака до его совершения, поэтому практически неизбежна возможность венчания таких браков, которые окажутся недействительными. Не исключен и сознательный обман духовенства со стороны вступающих в брак. Хотя церковные суды и начали создаваться, однако неразработанность форм канонического процесса о расторжении брака и о признании брака недействительным делает невозможным признать брак недействительным после его заключения компетентной церковной властью. Настоятельно необходимо для Церкви разработать юридический механизм либо контроля за незаключением недействительных браков, либо последующего признания брака недействительным, в противном случае все перечисленные правила не будут иметь никакого практического значения. Кроме того, следует принять во внимание, что в совершении недействительного церковного брака могут быть заинтересованы оба брачующихся, а Церковь не имеет публичной власти, подобной прокурорской в государстве, которая могла бы в интересах Церкви предъявлять иски в церковный суд о признании браков недействительными.

Указанное положение усугубляется тем, что действующее семейное законодательство не содержит большинства из оснований признания брака недействительным, которые есть в церковном праве. Современное российское семейное право признает брак недействительным при отсутствии согласия супругов и недостижении ими брачного возраста, при наличии между ними запрещенных степеней родства, при состоянии в другом зарегистрированном браке, при заключении брака с недееспособным, при заключении брака усыновителя с усыновленным, при сокрытии одним из супругов наличия у него венерического заболевания или ВИЧ-инфекции, а также при заключении фиктивного брака, т. е. без намерения создать семью. Последнее основание вообще неизвестно церковному праву, хотя его можно было бы туда ввести. Наличие венерического заболевания или СПИДа является по церковному праву основанием для расторжения брака, а не основанием признания брака недействительным, ибо церковное право Православной церкви не знает ошибки в качестве лица как основания признания брака недействительным. Остальные основания светского права совпадают с церковным, за исключением того, что перечень запрещенных

³⁵ *Антонио Абате*. Положение о браке в новом каноническом законодательстве. С. 108.

степеней родства, о чем писалось выше, неизмеримо шире, чем в светском праве. Но оснований признания брака недействительным в церковном праве гораздо больше и они неизвестны действующему государственному семейному законодательству. Все это порождает конфликт правового регулирования светского и церковного права, который в будущем может лишь усугубляться, ибо светское семейное право дрейфует в сторону все большего либерализма и аморализма. Неизбежно возникнут ситуации, где с точки зрения светского права брак вполне законен и действителен, а с точки зрения церковного права он недействителен и это не брак. Как разрешить данную коллизию? Разумеется, не путем реформирования церковного права по образцу светского. Для недопущения в Церкви недействительных браков нуждается в более детальном урегулировании порядок заключения церковного брака, к рассмотрению которого мы и приступаем.

Порядок заключения браков в православном церковном праве.

В древней Церкви юридический элемент заключения брака был отделен от церковного благословения. Христиане вступали в брак по римскому праву, а затем брак благословлялся епископом в присутствии всей общины на ближайшей воскресной литургии и новобрачные приобщались Святых Таинств. Начиная с IV в. на востоке складывается торжественный чин благословения брака — обряд венчания, который соединялся с литургией. Однако он не был обязателен для всех вступающих в брак христиан. Так, знаменитый константинопольский патриарх IX в. Фотий отмечает, что брак в его время «совершается посредством благословения, венчания или договора»³⁶.

Лишь в начале X в. византийский император Лев Философ сделал юридически обязательным благословение Церкви на брак для всех свободных, а в следующем веке император Алексей Комнин распространил эту обязательность и на брак рабов. Так были соединены государственный юридический момент и церковное Таинство. Поскольку Церкви пришлось благословлять все браки, в том числе ею не одобряемые (второй и третий браки, которые ранее заключались в гражданском порядке, но не венчались Церковью и автоматически влекли епитимию в виде запрета приступать к причастию на два года и пять лет), постольку Церковь отделила обряд браковенчания от литургии.

Те же императоры совершенно иное значение придали обряду обручения, т. е. обмена кольцами. По римскому праву обручение символизировало предварительный договор о заключении брака в будущем, оно было необязательным и предшествовало далеко не всем бракам. Новелла Льва Мудрого распространила обязательность церковного благословения и на обручение, сделав его нерасторжимым и связав уже с ним те юридические последствия, которые ранее связывались лишь с заключением брака. Император Алексей Комнин подтвердил силу этого закона, распространив его

³⁶ Цит. по: *Протоиерей Иоанн Мейендорф*. Православие в современном мире. Клин, 2002. С. 19.

уже на всех подданных и предписав, что обручение и венчание не должны сливаться, а должны быть разделены значительным временем.

На Руси все эти правила византийского права были рецепированы не сразу и с определенными модификациями. Во-первых, до Стоглава очевидно церковное благословение брака было распространено лишь в среде князей и бояр, а основная масса населения заключала брак без церковного обряда. Во-вторых, обручение совершалось как до браковенчания, так и в одно время с ним, и оно не обладало той нерасторжимой силой, которая предписывалась ему в византийском праве.

Петр Великий в 1702 г. в своем указе предписал, чтобы обручение совершалось не ранее шести недель до венчания, тогда как в Византии, а затем и на Руси распространено было в знатных семьях обручение приурочивать к брачному совершеннолетию (12–13 лет), а венчание совершать гораздо позднее, в более зрелом возрасте. Но самым важным в брачных новеллах Петра Великого было дозволение разрывать обручение в случае нежелания брачующихся вступать в брак. Позднее императрица Елизавета Петровна Указом от 16 декабря 1744 г. воспретила самовольный разрыв обручения, и дела о разрыве обручения указывала представлять из Синода на усмотрение императрицы. Наконец при императрице Екатерине II в 1775 г. обручение было предписано совершать для всех подданных, за исключением членов императорской фамилии, одновременно с венчанием, соединив их в единый юридический акт и в одно церковное чинопоследование. Это чинопоследование действует в Русской церкви и поныне.

До революции в России венчание совершалось приходским священником жениха или невесты (впрочем, венчание любым другим священником также признавалось действительным, но венчавший священник мог подлежать наказанию) лишь с разрешения правящего архиерея, которое называлось «венечной памятью». Венчанию предшествовал обыск, т. е. расспрос прихожан по поводу возможных препятствий браку. Для этого священник в церкви в три предшествовавших венчанию воскресенья или праздничных дня должен был совершить тоекратное оглашение брака, т. е. объявить о будущем венчании с просьбой всех знающих какие-либо факты, препятствующие венчанию, сообщить ему об этом. В условиях приписания всех окрест живущих к приходской церкви, когда на них возлагалась обязанность ее регулярного посещения хотя бы раз в год и знания всех соседей друг о друге, это было достаточно действенной мерой предупреждения заключения недействительного брака. По результатам обыска составлялся документ в специальной обыскной книге, отличной от метрических, в которых регистрировали венчания, об отсутствии препятствий к венчанию, который подписывался причтом церкви и вступающими в брак.

В настоящее время как разрешение архиерея, так и оглашение и обыск отсутствуют. Смысла в этом и нет, ибо венчание может совершить любой священник, а венчаться могут не только прихожане данной церкви, но и любые другие лица, которых венчающий священник видит на венчании в первый и последний раз в своей жизни. В Католической церкви в России оглашение брака соблюдается и сейчас достаточно строго.

Венчание всех подряд в любой церкви недопустимо, так как может привести к венчанию людей нецерковных и освящению незаконных браков. Недостаточной гарантией от заключения недействительных браков служит и практикуемое повсеместно представление свидетельства о регистрации брака в органах ЗАГС, ибо требования государства и Церкви к действительности брака различны. Целесообразно было бы ввести род катехизации для будущих новобрачных, когда священник в ряде бесед рассказывает брачующимся о Таинстве брака и канонических нормах его действительности, после чего каждый из брачующихся перед Крестом и Евангелием клятвенно объявляет об отсутствии у него каких-либо препятствий к браку, о чем дает собственноручную подписку священнику. Обязательным должно быть и предварительное говение и приобщение Святых Таинств в этом приходе, если брачующиеся не являются прихожанами храма. Подобные меры способствовали бы, на наш взгляд, созданию хоть каких-то препятствий на пути заключения недействительных церковных браков. В некоторых епархиях подобные предварительные беседы с будущими супругами уже вводятся. Мы предлагаем сделать их повсеместными и дополнить некоей предварительной процедурой, способной отсеять лиц, воспринимающих венчание только как красивый обряд, а Церковь — как контору ритуальных услуг. Кроме того, целесообразно восстановить оглашение брака в церкви с обязательной публикацией об этом как на приходской доске объявлений, так и на сайте прихода в сети интернет, что также может послужить препятствием к заключению недействительных браков. Поскольку некоторые приходы дублируют сайты, создавая странички в социальных сетях в интернете, оглашение брака целесообразно дублировать и там с просьбой к прихожанам о перепосте этих объявлений тем, кто имеет свои страницы в социальных сетях.

Литература

- Алфавитная синтагма Матфея Властаря / пер. с греч. Н. Ильинского. М.: Б. и., 1996. 479 с.
- Антонио Абате.* Положение о браке в новом каноническом законодательстве. М.: Паолине, 2000. 463 с.
- Белякова Е. В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Духовная библиотека, 2004. 663 с.
- Васьковский Е. В.* Учебник гражданского права. М., 2003. Репринт. 381 с.
- Вишневский А. А.* Каноническое право. Древняя Церковь и Западная традиция. М.: Институт теологии, философии и истории св. Фомы, 2006. 360 с.
- Каноны, или Книга правил святых апостолов, святых соборов, вселенских и поместных и святых отцов на русском языке. СПб.: Православный паломник, 2000. 431 с.
- Кормчая (Номоканон). СПб.: Воскресенье, 1997. Репринт. 1480 с.
- Макарий архиепископ Харьковский.* Православно-догматическое богословие. СПб.: Типография Григория Трусова, 1857. Т. 2. 514 с.
- Павлов А. С.* Курс Церковного права. СПб.: Лань, 2002. 384 с.
- Протоиерей Иоанн Мейендорф.* Православие в современном мире. Клин: Христианская жизнь, 2002. 318 с.

Протоиерей Николай Балашов. Комментарии к Социальной Концепции Русской Православной Церкви. М.: Даниловский благовестник, 2001. 94 с.

Сальвиа де М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 1071 с.

Суворов Н. С. Учебник церковного права. М.: Зерцало, 2004. 482 с.

Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. Ярославль: Ярославский государственный университет, 2007. 254 с.

References

Alfavitnaia sintagma Matfeia Vlastaria [Alphabetical sintagmus of Matfey Vlastar]. Moscow, 1996. 479 p. (In Russian)

Antonio Abate. *Polozhenie o brake v novom kanonicheskom zakonodatel'stve [Regulation of marriage in the new canonical legislation]*. Moscow, Paoline Publ., 2000. 463 p. (In Russian)

Archpriest John Meyendorff. *Pravoslavie v sovremennom mire [The Orthodoxy in the modern world]*. Klin, Christian life Publ., 2002. 318 p. (In Russian)

Archpriest Nicolay Balashov. *Kommentarii k Sotsial'noi Kontseptsii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [Commentary to Social Conception of Russian Orthodox church]*. Moscow, Danilovsciy blagovestnic Publ., 2001, 94 p. (In Russian)

Beliacova E. V. *Tserkovnyi sud i problemy tserkovnoi zhizni [The Church court and problems of church life]*. Moscow, Duhovnaya biblioteka Publ., 2004. 663 p. (In Russian)

Kanony, ili Kniga pravil na rusском iazyke [Canons or the book of rules in the Russian language]. St. Petersburg, Pravoslavnyi palomnik, 2000. 431 p. (In Russian)

Kormchaia (Nomokanon) [Kormchaya (Nomocanon)]. St. Petersburg, Vosresenie Publ., 1997. 1480 p. (In Russian)

Macarius archbishop of Harcov. *Pravoslavno-dogmaticheskoe bogoslovie [Orthodox Dogmatic theology]*. St. Petersburg, Grigoriy Trusov publishing, 1857, vol.2. 514 p. (In Russian)

Pavlov A. S. *Kurs Tserkovnogo prava [The course of church law]*. St. Petersburg, Lan Publ., 2002. 384 p. (In Russian)

Sal'via de M. *Pretsedenty Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka [Precedents of European Court of Human Rights]*. St. Petersburg, Uridichesciy centr Press, 2004. 1071 p. (In Russian)

Suvorov N. S. *Uchebnik tserkovnogo prava [Textbook of church law]*. Moscow, Zercalo Publ., 2004. 482 p. (In Russian)

Tarusina N. N. *Brak po rossiiskomu semeinomu pravu [Marriage according Russian family law]*. Yaroslavl, Yaroslavl State university, 2007. 254 p. (In Russian)

Vaskovskij E. V. *Uchebnik grazhdanskogo prava [The textbook of civil law]*. Moscow, 2003. 381 p. (In Russian)

Vishnevsciy A. A. *Kanonicheskoe pravo. Drevniaia Tserkov' i Zapadnaia traditsiia [Canon law. The old church and the west tradition]*. Moscow, St. Tomas Institute of Theology, philosophy and history, 2006. 360 p. (In Russian)